

Октябрь

Андрей Геласимов
АТАМАНОВКА

Михаил Левитин
ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬ

Вячеслав Пьецух
ПРОИСХОЖДЕНИЕ
И ОБЛИК РУССКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

Валерия Пустовая
КИТЕЖ
НЕПОТОПЛЯЕМЫЙ

10 2006

Федор ЕРМОШИН

Против Америки

Lo, I too am come, chanting the chant of battles,
I above all promote brave soldiers.*

Уолт Уитмен

Рост антиамериканских настроений в моем (студенческом) кругу начался достаточно давно. После теракта 11 сентября, то есть уже лет пять назад, знакомый по университету пропел мне – причем на правах забавной хохмы, лихой насмешки – песню, напоминающую те, что обычно поют друг о друге враждующие армии – похожую на походную – песню, где в черноюмористических интонациях «обыгрывалась» гибель двух башен-близнецов. Американцы казались в этой «песенке» эдакими ненастоящими человечками вроде тех, кого рисуют первоклассники в блокнотах, – схематичными роботами, которые разлетаются во все стороны от взрыва – ножки, ручки, тельце, – и крик облачком изо рта: аааа.

Ну это, допустим, «нормальная» глупость, цинизм, жестокость, низведенная до бытовой, такая же, как в американских фильмах-триллерах или боевиках. Плюс обывательское безделье, которое должно же находить себе выход. Так в старые времена придумывали обидные прозвища жителям соседнего хутора. Другое дело, когда человек набрякает идеей и начинает самозабвенно и воинственно бороться с западной идеологией, при этом искренне считая, что таким образом он радеет за свою страну и к тому же точно знает, что собственно это такое – «западная идеология».

Скажу сразу: на мой взгляд, никакой западной идеологии не существует. Существует нравственная жизнь и безнравственная. То, что мы называем «западной идеологией», – эта этика купли-продажи, рынка, которая сейчас кажется победительницей, просто самая очевидная, самая налицующая, явная в земной жизни *система ценностей*, потому она и «выигрывает». Так было и всегда: система, противостоящая хаосу, зачастую, вне зависимости от этических доминант, побеждала во все эпохи, принимая разные обличья. Но в результате столь же часто оказывалась просто новым злом. В пользу которого люди совершали осознанный (или не очень) выбор (или ряд таковых).

Ни одна культура немыслима без нравственного выбора, суда, оценки. При том, что у нас, носителей той или иной культуры, нет других законов восприятия и мышления, кроме наших – человеческих. Ведь, например, искусство Древнего Рима мы оцениваем по обобщающему принципу (и Роден – искусство, и Фидий – искусство), – пытаемся *понять* своим умом, почувствовать, воспринять как *ценность*. Национальные обычаи и нравы, в чьей основе всегда имеется некая общая парадигма (рождение, взросление, смерть, любовь, переломные моменты, наконец та самая ситуация выбора), точно так же должны быть восприняты и оценены *целиком*, как общая для всех и для всех возможная жизнь (наша и древняя, «наша» и «ваша») – без сечения, сегментации.

Для оправдания национального единения или розни на самом-то деле нет и не может быть канона (по типу «голливудского» в кино) – западного,

* Слышишь, я тоже пришел, распевая песню битвы, и прежде всего призываю храбрых солдат (англ.)

буржуазного или еще какого. Каждый такой «канон» (хотя бы даже художественный) опирается на конкретный нравственный (или безнравственный) поступок отдельного человека, живущего в той или иной стране, принадлежащего к той или иной нации. Так этот поступок и должен быть судим. И хорошо, что при этом есть номинальная, постулированная свобода слова – даже свобода показывать голый зад по телевизору.

Мне приходилось сталкиваться вот с каким мнением: то, что называют глобализацией, – это, на самом деле, лишь американская экспансия, то есть очень односторонний процесс. Глобализуемся-то в одну сторону – в сторону подчинения Америке. То, что Америка ведет агрессивную политику и претендует на имперское могущество, – спору нет. Однако не было ли такой же «глобализации» в Римской империи (в пределах того «всего мира», который был известен индивидууму на том историческом этапе и казался ему не менее огромным, чем теперь кому-нибудь из нас кажется весь земной шар благодаря возможности выхода в виртуальное пространство Интернета)? Те же масштабные миграции людей, господство торговли, Рим (теперь уже, разумеется, третий, четвертый и какой угодно по счету, после первого), наводненный «рабами» различных национальностей, смешение «языков»...

Вообще для человека, который не занимается политикой активно, для человека частного и при этом «думающего» любое объяснение происходящего в повседневности через политику – это покупка билетика в идеологический лабиринт слов. Бродить в нем – значит, ввязаться в нелепую борьбу, поддаться заманчивой страсти ораторского пламени, вне зависимости от того, неподкупный ты болтун или продажный. И быть постоянно – и вполне допуская – искренне – подавленным собственным бессилием, сознанием личной вины за совершающееся и невозможностью спасти положение.

Смотреть или не смотреть телевизор, идти или не идти в «кино» – это ответственность каждого отдельного человека. И уж тут не оправдаешься тем, что тебя заставляют *смотреть*,* вяжут по рукам и ногам, пичкают, не давая взамен ничего другого. Нет никакой экспансии, никакого вторжения, кроме традиционного, того, что вечно «на повестке дня»: соблазн – и противостояние ему, искушение – и противостояние ему, противостояние зверскому в человеке.

Единственное, что мы можем предпринять во имя спасения своего национального достоинства, сохранения и приумножения нашего национального духа, – это делать добрые дела, трудиться, работать на культуру – в широком смысле слова «культура», то есть в смысле общего воздвизания, духовного обогащения. Делать это нужно молча, зная свою делянку, ограниченную и оттого более ответственную. Можно творить. Можно воспитывать детей, нашу будущую жизнь. Можно завести свой огород. Это не заточение в тюрьму обстоятельств, преждевременный «уход на пенсию», но выход – на мой взгляд, вполне широкий, пусть и единственный для человека частного.

Речь идет о спасении национального духа – не русского духа, но просто – духа, потому что, как только начинают громко говорить о «русском» духе, намеренно эксплицировать этот дух, активно вызывать к объединению, сообществу «истинно русских людей» и т.п., все неминуемо сводится к парадоксу: в лучшем случае к шеголянию в расшитой рубашке, в худшем – к смертоубийству. Я имею в виду не те случаи, когда восхищаются русской духовностью, явленной, например, в русской иконописи или в русской литературе, а те, когда про себя говорят – я русский. Назвать тебя русским – все равно что назвать себя гением: неэтично и даже аморально. Ибо это всегда презумпция другого, это только другой может сказать о тебе, но никак не ты сам. Но стоит тебе встать под знамена осознанной русскости –

* Эта визуальность, бесстыдное, лезущее в глаза – всегдашняя доминанта массового греха: так в «Андрее Рублеве» Тарковского мальчику закрывают глаза: не смотри, – когда воины бегут за обнаженной язычницей.

окажешься не менее смешон, чем тот, кто кичится скоростью роста своего волоса или размером ступни. Быть подчеркнуто русским не получится – так же, как в одночасье и сознательно, специально стать «евреем», «по-этом» или «очень духовным человеком». Все это понятия объективирующие, глядящие на человека по определению *снаружи*.

Вот мы говорим о «самопровозглашенной» русскости. Еще пара слов о правильном понимании «русскости», расцененной извне. Когда начинают судить по физиономии – русский ты или нет, само понятие русскости опять оказывается погрязшим. Национальный дух проявляется в принадлежности культуре, а не в лице или местопребывании. Казалось бы, об этом и говорить незачем. И все же современность вынуждает вновь и вновь повторять очевидное. Хоры Шнитке с использованием знаменного распева – одно из самых неувовимо-русских творений двадцатого века. В то же время в других своих великих произведениях композитор вдохновляется немецкой традицией, в не меньшей степени ощущая себя «европейцем»... Культура может быть «русской» только в положительном смысле, но не стоит апеллировать «русскостью» в отрицающей, оценочной спайке: «нерусское». От этого за версту несет каким-то чесночным духом, а не русским духом.

И еще: дешевую и опасную браваду надо отличать от мгновенной самоидентификации в те критические моменты истории, когда земля под угрозой, когда речь идет *буквально* о жизни и смерти родных и близких, и люди стоят спиной к спине, и отдельный человек ощущает: ты – свой, и я с тобой, а вон те – не наши, чужие.

Если я русский (как если бы я был казах, или татарин, или кто угодно еще) – мне инстинктивно хочется понять историю родины, узнать, кто я такой, и главное – как мне жить? – как жили до меня мои предки, как они выживали, исходя из условий моей страны, чувствовали ли то же, что я, чем я от них отличаюсь, почему? Это мне кажется здоровым интересом и нормальными вопросами. Тем, что мы называем чувством национальной самоидентификации. Что же касается остального – мне может просто... нравиться роман Фицджеральда (хотя я буду понимать, что он американец и выражает «американский» дух) и не нравиться какая-нибудь американская порнографическая кинодешевка.

Не надо говорить: не хочу жить по-американски, хочу жить по-русски. Надо жить нравственно.

Говорят, очередное поколение растет на сделанных по американским лекалам сериалах, телепрограммах, мультфильмах. Так давайте снимем свои телепрограммы, которые, по нашему же мнению, будут хороши и чисты. То же – с литературой, музыкой, вообще – со стилем жизни. Это моя страна, столь же, сколь и твоя. Страну легко «взять себе». Но, как только мы присваиваем ее для долгого идеологического жонглирования, «страна» перестает существовать как что-либо реальное, осмысленное – понятие задыхается, как рыба, выброшенная на песок. И мы треплем какое-то чучело. То же происходит и с понятием «народ».

Наш «народ» – это в том числе и интеллигенция. Мы! – и теперь, счастливо пережив в себе эту радость множественного местоимения, надо начинать что-то делать – бережно осваивать окружающее пространство, каждый – согласно собственному призванию и профессии.

...Ощущать же давнюю «вину» перед народом – слишком легко, слишком истерты колени. От этой «вины» самому народу ни тепло ни холодно. Народ в таком случае, по сути, предстает *слишком* «убогим», отсталым по сравнению с тобой. (С ним, значит, нужно непременно что-то срочно «делать»: раз виноват – надо, мол, исправлять.) Начни улучшать свой «народ» с себя как представителя «народа»: нет ли бревна в твоём собственном глазу? В этом будет не меньше самоотречения и ровно никакого чувства униженности. Это касается и случаев «выхода в народ». Если матерятся, а рядом женщина – это оскорбит лично меня, и, значит, именно я должен

высказать матерящемуся «народу», что это с его стороны – свинство. И так далее. Самонадеянность – полагать, что есть какая-то панацея политического свойства и она с какой-то стати должна излечить живущих в нашей стране, что государство – это кто-то кроме нас где-то кроме нас. Если раздражает и мучает тот или иной факт развращения «народа», то – вина не в Америке или России, а только *в тебе* самом, ведь это ты откликаешься на провокации, а должен оставаться спокойным, ибо тебе есть что предложить взамен, есть чем отличиться. Вот плоды моего труда, – например, выученные мною ученики, если я учитель, вылеченные мною пациенты, если я врач и т.п. В этом и заключается стратегия принципиально личного, чаще всего совершенно одинокого поступка. Совершив его, постепенно вообще перестаешь задаваться вопросом о политическом. Наступает *общечеловеческое*.

Свою свободу до конца земной жизни у себя можешь отнять только ты.

Вряд ли кто-то станет отрицать, что со времени крушения СССР страна пребывает в идейном забытии, словно пациент под капельницей с питательным раствором. Можно пройтись по какому-нибудь подмосковному кладбищу, изучить надгробные надписи. На девятые приходится целые погосты молодых людей-наркоманов.* Сейчас – этим запахло с прошлого, 2005 года – наблюдаются симптомы игромании. Что же делать? Как спасти свой народ?

Да, многое страшно – но именно потому, что это не экспансия, не «чужое», а очень даже «свое», всегдашнее. Только ты сам и можешь с ними справиться: не смотри, как русские девушки радостно и рьяно стремятся в горнило шоу-бизнеса, где их переплавят – туда, где им, как в сказке, вставят голубые хрустали вместо глаз. Но что же мне, телевизор разбить? Это будет нелепо и ненужно. «Не то оскверняет, что входит в нас, а что из нас».

В таком случае надо попытаться скорее сделать какое-нибудь «мелкое» бытовое добро. Например, выйти на улицу и помочь встречной старенькой бабушке донести до дома кошелку.

Раньше западный образ жизни в интеллигентской среде принято было превозносить – левайсы, виски на полпальца, черные очки. Сейчас мноими близкими мне людьми, все еще примыкающими к той, интеллигентской среде, владеют совсем иные, порой ненавистнические настроения. Хотя есть и те, кто до сих пор мечтает уехать на Запад или, не имея такой возможности, ограничивается тем, что перенимает новый, беззастенчиво «скромный» образ жизни (благо автору этих строк в студенческой среде есть с кого брать пример – «легкие наркотики», «клубиться», играть в рулетку и т.п.). И то и другое (и хула, и обожание-подражание) – вероятно – идет от слепой и потому простодушной зависти. Точно оттого же, отчего, во многом, произошла русская революция – бедные завидовали богатым. И не то чтобы слишком завидовали, а как-то сильно озлобились – еще до первой мировой – и этот костер помогли дополнительно раздуть, на примитивных чувствах в свое время сыграли нужными лозунгами, того не стеснясь. И это был сравнительно новый «шаг», если в политике вообще бывает что-либо новое. То, что раньше казалось некрасивым, не укладывающимся в рамки христианской морали, стало насаждаться сверху, с броневика, заместившего патриархальный трон: завидуй, кипяти свою злобу – это разрешается, и это вполне праведно, даже «свято».

То же самое теперь.

То же самое всегда. Мы злимся на олигархов за то, что они наворовали. А раньше – не злились ли так же на номенклатуру? А до этого на зажравшихся бар? Не гнев ли это в чистом виде? «Никого не обижайте, не клеветите и довольствуйтесь своим жалованьем».

Очень приятно позлиться, стоя в тамбуре с бутылкой пива после рабочего дня, поненавидеть лимиту, гастарбайтеров, америкосов, богачей –

* Из разговора с отцом, врачом-психотерапевтом, работает в наркодиспансере.

все каким-то боком «заедают мой хлеб». На хлеб у меня денег нет, зато всегда есть на выпивку.

Пока ты «беден» – ты прав, ты в компании единомышленников. Но ведь все твоё целеполагание – это стать «теми», пролезть «туда», дополучить какой-то недоданный паек, отхватить и себе кусок роскоши. И невинность соблудить, и капитал приобрести. Жилось ли раньше честному человеку легко, а теперь трудно? И легко, и трудно. Так же, как и сейчас честному частному человеку. Легко и хорошо, потому что он пытается жить по совести и счастлив жить вообще. Плохо, трудно – потому что это изначально путь трудный, как любой настоящий путь.

Со временем меняются формы, а соотношение остается все то же: есть добро, есть зло. То, в каком наряде, в каком стиле тебя пробует время – в форме зазывной пивной рекламы, «гламурного» формата, низости нравов, дешевой роскоши (дешевой в метафизическом смысле, «добришка» по сравнению с добром) – обличье неважно. Важно то, как ты проходишь искусы. Ты закаляешься в этом и должен держаться своих принципов, которые тебе кристально ясны и для тебя нерушимы, как крепкая стена.

Поставив человека перед выбором, идеология улепetyивает, исчезает, прячется – уходит по дорогам, как лесное лихое. Логика идеологической схемы требует от человека поступка. Это требование может быть завернуто в какой угодно фантик: видна будет по прошествии лет только твоя рука – потянувшаяся или отторгнувшая манкую и ядовитую конфету. Приходить будут все новые и новые искушения – коммунистическое, капиталистическое (да любое «истическое»). Важно то, как ты лично – человечески, а не истически – на них отреагируешь.

Культурное соперничество с Западом русский человек только так и сможет выиграть. Это культурное соперничество легко спутать с политическим, тем более когда так много говорят о пиаре, о манипулировании массами. (Но и это уже тысячу раз было: а инквизиция – не то же ли? «Сила, тайна, авторитет»?) * Мы боимся тихого, сонного завоевания, вторжения украдкой, исподтишка, незаметной культурной переделки «народа», эдакого культурного «троянского коня». Но, как писал И.А. Ильин о той революции, сваливать все на чей-то сговор – масонский, еврейский (от себя добавим – американский) сейчас, «все равно, что нерадивым пастухам сетовать на сговор волков». Конечно, сознательность всегда лучше, чем сон разума. Но ты тоже народ, и если ты трезв и в свою силу честно трудишься, – это уже дорогого стоит.

Мне не нужно никакого «мониторинга» того, что показывают по телевизору или в кино (и куда мы катимся, и как плохо все «в общем» и т.д., и т.п.). Это отрицательно сказывается на моей психике и работоспособности и потому – непродуктивно. Частное лицо не должно слишком мучиться подобными вопросами.

Кроме того, лично я не ощущаю никакого соперничества с настоящей высокой ** западной культурой (как и любой другой) и желаю ей новых свершений и шедевров. Мы с нею делаем одно дело, как все люди, стремящиеся жить «по человечеству». А на этом уровне (человеческой симпатии) уже пропадает сама необходимость поминутно пенять и доказывать другому, какой я правильный, или «духовный», или... русский.

* Возможно возражение: это позднейшее художественное осмысление данной эпохи писателем Достоевским. Однако, – подтверждаемое научными работами, например, К. Гинзбурга.

** «Высокой» – не в снобистском смысле. Просто настоящая культура не бывает низкой. Более того, кажется вполне правомерным понятие «низовая высокая культура».